

17. Чернецов В.Н., Мошинская В.И. Городище Большой Лог // Краткие сообщения института истории материальной культуры. 1951. Вып. 37. С. 78–87.
18. Конилов Б.А. Городище Большой Лог (о предистории города Омска). Омск: Изд-во ОмГПУ, 1999. 47 с.
19. Елагин В.С., Молодин В.И. Бараба в начале I тысячелетия н.э. Новосибирск: Наука, 1991. 126 с.
20. Молодин В.И., Елагин В.С. Глиняная пластика первой половины I тыс. н.э. из Барабинской лесостепи // Скифо-сибирский мир: Искусство и идеология. Кемерово: Изд-во КемГУ, 1984. С. 120–122.
21. Елагин В.С., Молодин В.И., Соболев В.И. Глиняная пластика н. I тыс. н.э. из Барабинской лесостепи // Скифо-сибирский мир: Искусство и идеология. Новосибирск: Наука, 1987. С. 159–164.
22. Дубко В.В., Козлов В.М., Конилов Б.А. Археологический комплекс у д. Паново // Археология Западной Сибири. Омск: Изд-во ОмГУ, 1988. С. 24–29.
23. Конилов Б.А. Омское Прииртышье в раннем и развитии средневековья. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2007. 466 с.

24. Конилов Б.А. Поселение Паново II из южно-таежного Прииртышья (к вопросу о культурной идентичности Потчеваша, Зеленогора и Кучимино) // Проблемы археологии и истории Северной Евразии: сборник, посв. юбилею Л.А. Чиндиной. Томск: Изд-во «Аграф-Пресс», 2009. С. 89–103.
25. Адамов А.А. Глиняная антропоморфная фигурка из Прииртышья // Обские угры: материалы II Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 1999. С. 218–221.
26. Таскаева Н.А. Глиняные изделия с городища Долговское I // Диалог культур и цивилизаций: материалы XI всерос. науч. конф. молодых исследователей. Тобольск: Изд-во ТГСПА им Д.И. Менделеева, 2010. С. 28–29.
27. Ефименко П.П. Костенки I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 453 с.
28. Формозов А.А. «Волшебные фигурки» первобытного человека // Вопросы истории. 1969. № 4. С. 218–220.
29. Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. М.: Наука, 1984. 245 с.

CLAY PLASTIC ARTS OF THE OB-IRTYSH INTERFLUVE IN THE FIRST HALF I MILLENNIUM AD

© 2018

Lomov Pavel Konstantinovich, laboratory assistant of Security and Rescue Archaeology Department
Novikov Andrey Vladilenovich, candidate of historical sciences,
 senior researcher of Metal Ages Archaeology Department
*Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
 (Novosibirsk, Russian Federation)*

Abstract. The paper deals with the early-medieval clay plastic arts of the Ob-Irtysh interfluves. It is an important and informative source that helps to consider some problems of West Siberia archaeology. For more than a century-old-archaeological study of the region, a small but considerably representative collection of clay plastic images referred to the early Middle Ages has been gathered. The paper is devoted to the complex analysis (i.e. morphology, semantics and functional use) of the early-medieval clay plastic arts of the Ob-Irtysh interfluve period. Special attention is paid to the history of the study of clay plastic arts in the Russian archaeology and to ethno cultural peculiarities of the early-medieval Ob-Irtysh interfluve. The paper reviews and generalizes a variety of items of early-medieval clay plastic arts known on the archaeological sites of the Ob-Irtysh interfluve. The items of clay plastic arts have been comprehensively analyzed: their morphological traits have been studied, stylistic analysis has been made and the location of the figurines on the archaeological sites has been described. Semantic analysis of two large types of images has been carried out. It has been suggested that the Potchevash culture bearers had a complicated ideology concerned with the field and stock-raising cults with such attributes as the items of the small statuary imaging horses and moose.

Keywords: Ob-Irtysh interfluve; early Middle Ages; semantic analysis; morphology; stylistics; Potchevash archaeological culture; clay figurines; small clay statuary; zoomorphic images.

УДК 902.01

Статья поступила в редакцию 03.12.2017

КЕРАМИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ ПАМЯТНИКОВ ХАРИНСКОГО ВРЕМЕНИ В ПЕРМСКОМ ПРЕДУРАЛЬЕ: ОДНОТИПНОСТЬ ИЛИ РАЗНООБРАЗИЕ?

© 2018

Батуева Надежда Сергеевна, специалист научного отдела
Шмуратко Дмитрий Владимирович, кандидат исторических наук, декан исторического факультета
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь, Российская Федерация)

Аннотация. В статье представлены результаты технико-технологического анализа керамики, обнаруженной на памятниках Пермского Предуралья эпохи Великого переселения народов (харинские и позднегленовские комплексы). Анализ выполнен в рамках историко-культурного подхода А.А. Бобринского. По результатам многомерной классификации (кластерный анализ по методу k-средних) 67 сосудов выделяются Самарский научный вестник. 2018. Т. 7, № 1 (22)

пять кластеров, каждый из которых интерпретируется как отдельная гончарная традиция. Первая традиция представлена сосудами, изготовленными из незапесоченной глины, взятой во влажном состоянии с добавлением в формовочную массу дробленой раковины. Эта наиболее широко представленная традиция (58,2% сосудов совокупной выборки) может быть связана с местными гляденовскими племенами раннего железного века. Второй традицией составляют сосуды с органическими примесями (навоз, органический раствор) в формовочной массе – 16,4% сосудов совокупной выборки. Традиция имеет истоки в сарматском мире Южного Урала и может принадлежать пришлым в регион племенам. Третья традиция прослежена по сосудам, изготовленным из незапесоченной глины, взятой во влажном состоянии с добавлением в формовочную массу дробленой раковины и органического раствора – 19,4% сосудов совокупной выборки. Традиция иллюстрирует процесс смешения местного и пришлого населения. Четвертая традиция включает в себя сосуд, выполненный из заталькованной глины, истоки традиции следует искать в Зауралье. Пятая традиция представлена сосудом, при изготовлении которого мастер использовал глину в дробленном состоянии. Четвертая и пятая традиции немногочисленны, суммарно составляют около 3% сосудов совокупной выборки. Полученные результаты позволяют говорить о пестрой культурной палитре Пермского Предуралья в эпоху Великого переселения народов и никак не согласуются с мнением о том, что вся керамика раннего средневековья в Прикамье однотипна и оставлена одним народом.

Ключевые слова: технико-технологический анализ керамики; Великое переселение народов; памятники харинского типа; гляденовская археологическая культура; Пермское Предуралье; этнокультурные процессы; миграции; кластерный анализ; метод k-средних; система расселения племен.

Постановка проблемы и исследовательской задачи

Период IV–VII вв. н.э. вызывает пристальный интерес археологов на протяжении длительного времени. Повышенное внимание специалистов к данному этапу объясняется в первую очередь тем, что в указанное время на территории Евразии происходит серия крупных миграций, известных под общим названием Великое переселение народов. Можно говорить о том, что современная этническая карта мира во многом является производной от процессов, происходивших в эпоху Великого переселения. Значительная часть вопросов, касающихся этногенеза современных народов Евразии, так или иначе в конечном итоге восходит к эпохе Великого переселения. Все вышесказанное справедливо и в отношении финно-пермских и угорских народов, проживающих на территории западного и восточного склонов Урала: коми-пермяков, коми-зырян, удмуртов, манси и др.

Реконструируя их этническую историю, исследователю не обойти стороной вопрос, известный в археологии Прикамья как «харинский феномен». В конце IV в. в лесной полосе Западного Урала появляется необычная погребальная практика, не свойственная местному населению. Речь идет о захоронениях под курганами. Известные еще с конца XIX в. памятники получили название – курганы харинского типа (по деревне Харино в Гайнском районе Пермского края, близ которой были обнаружены первые насыпи). Курганные могильники достаточно отчетливо маркируют факт проникновения в регион новой культурной/этнической традиции, связанной с кочевым миром Евразийских степей. Ближайшие аналогии курганного погребального обряда удается найти в памятниках позднесарматского круга. Таким образом, вполне вероятно, что в этногенез пермских народов внесли свой вклад в том числе и ираноязычные племена. Однако вопрос о степени участия поздних сарматов в формировании угорских и финно-пермских этносов до сих пор открыт. Отчасти решение кроется в ответе на другой вопрос, касающийся характера взаимодействия проживающего на территории Прикамья местного населения, носителей гляденовской археологической культуры раннего железного века и пришлых в край племен. Как встре-

тило местное население кочевников-мигрантов? Насколько тесны были межкультурные контакты? Какой характер они носили? Содержание этих сюжетов пока не раскрыто.

Часто источником для этнокультурных реконструкций в археологии выступает керамика. Традиционно считается, что гончарные традиции, равно как погребальный обряд, являются максимально стабильным и устойчивым элементом культуры, несущим в себе этно/культурно-маркирующую, дифференцирующую функцию. Анализ керамики, происходящей с памятников харинского типа, проводился неоднократно, однако выводы, формулируемые исследователями, были весьма противоречивыми.

С одной стороны, ряд авторов говорят о сходстве керамики харинского и гляденовского времени Прикамья. Ю.А. Поляков, анализируя керамику с «харинских» поселений (Опутятское и Бутырское городище) и памятников гляденовской культуры (Юго-Камское и Турбинское костыща), пришел к выводу об их культурной общности, тем самым подчеркнув значительную роль местных пермских племен в генезисе харинских древностей [1, с. 4–10]. Аналогичная позиция присутствует и в работе А.Н. Лепихина «Костыща гляденовской культуры в Среднем и Верхнем Прикамье» [2]. Из недавних публикаций можно отметить статью М.Л. Перескокова «Керамические комплексы памятников финала раннего железного века в Пермском Прикамье», в которой автор отмечает принципиальную «невозможность разделить керамику позднегляденовского и харинского времени», из чего делается вывод о том, что ее оставило одно население [3, с. 102]. Таким образом, сам факт происхождения памятников харинского типа в результате миграции инокультурного населения ставится под сомнение.

С другой стороны, известны работы, в которых авторы, рассмотрев те же самые коллекции, озвучивают иную точку зрения. В частности, В.В. Мингалев, анализируя керамику Чазевского I могильника (памятник харинского типа) в сравнении с керамикой гляденовского круга памятников, приходит к выводу о правомерности выделения особого харинского культурного феномена как определенного этапа в формировании ломоватовской и ванвиздинской ку-

льтуры. Опираясь на данные статистического анализа степени и типа орнаментации, В.В. Мингалев выделяет харинские керамические комплексы в отдельный кластер, разводя их с сосудами гляденовского типа [4].

Важно отметить, что все предыдущие исследования отличает одна характерная черта – особое внимание авторы уделяли исключительно орнаменту, в то время как состав рецептов формовочных масс не рассматривался вовсе либо анализировался «на глаз» без использования специального оборудования.

Первая попытка изучения рецептурного состава формовочных масс харинской керамики с использованием бинокуляров и микроснимков была предпринята в 2017 г. коллективом исследователей, в состав которого входили в том числе авторы настоящей статьи. Тогда, сравнив исходное пластичное сырье и рецепты формовочных масс керамики Митинской курганной группы (памятник харинского типа), селища Большаки (памятник харинского типа) и Красноярского могильника (тулвино-частинский локальный вариант позднего этапа гляденовской археологической культуры), авторы пришли к выводу о принципиальном отличии керамики Красноярского могильника от сосудов Митинской курганной группы и селища Большаки. При этом в отношении двух последних памятников отмечено сходство [5].

Настоящей статьей авторы продолжают развивать озвученный ранее тезис о существовании отличий харинской и гляденовской керамики и вводят в научный оборот результаты технико-технологического анализа сосудов еще нескольких памятников железного века (могильник Городок, Гляденовское костыще) и раннего средневековья (селище Пеньки, городище Опутята) с территории Прикамья.

Выбор памятников для анализа обусловлен, с одной стороны, доступностью керамических коллекций (коллекции всех рассмотренных памятников хранятся в Пермском краеведческом музее), а с другой – желанием рассмотреть все типологическое разнообразие памятников гляденовского/харинского времени: могильники, костыща, селища и городища.

Описание результатов технико-технологического анализа керамики

Исследование керамики было выполнено в рамках историко-культурного подхода, разработанного А.А. Бобринским [6]. Данная методика предполагает, что при создании керамического сосуда мастер последовательно выполнял ряд узких технологических задач. Производственные процессы в гончарстве А.А. Бобринский делит на три стадии, каждая из которых состоит из четырех ступеней:

Стадия I – Подготовительная

- Ступень 1 – отбор исходного сырья;
- Ступень 2 – добыча исходного сырья;
- Ступень 3 – обработка исходного сырья;
- Ступень 4 – составление формовочных масс.

Стадия II – Созидательная

- Ступень 5 – изготовление начина;
- Ступень 6 – изготовление полого тела;
- Ступень 7 – придание сосуду формы;
- Ступень 8 – механическая обработка поверхностей.

Стадия III – Закрепительная

- Ступень 9 – воздушное высушивание;
- Ступень 10 – придание сосуду прочности;
- Ступень 11 – придание водонепроницаемости;
- Ступень 12 – конструирование служебных частей;
- Ступень 13 – декорирование сосуда.

Наличие и внутреннее содержание тех или иных ступеней зависит от культурных традиций. Поэтому, рассматривая керамику не только как вещественный источник, но и как деятельность гончара, мы можем более подробно изучить культурные/этнические традиции изготовления посуды.

В данной работе основной задачей являлось изучение первой, *подготовительной* стадии гончарной технологии: исходного пластичного сырья (далее ИПС) и рецептов формовочных масс (далее ФМ).

Технико-технологический анализ проводился при помощи микроскопа МБС-9 на базе Лаборатории археологической трасологии, антропологии и экспериментальной археологии ПГГПУ.

Моги́льник Горо́док

Моги́льник расположен в 3,5 км к северо-западу от д. Крохово, на правом берегу р. Юрчим. Памятник был открыт в 1958 г. Г.И. Власовым. В 1960 г. раскопки на могильнике провел В.П. Денисов, которым было изучено 16 захоронений, ориентированных преимущественно на северо-запад. Инвентарь погребений беден, среди находок – обломок бронзовой височной подвески и фрагменты лепных сосудов [7].

Моги́льник Горо́док – один из немногих могильников Прикамья, материалы которого могут быть связаны с местным гляденовским населением III в. н.э. Следует отметить, что в принадлежности материалов могильника Горо́док к гляденовскому населению сомневается Р.Д. Голдина [8, с. 27–28], тем не менее других погребальных памятников гляденовского времени (за исключением Красноярского, а также Мокинского и Верхне-Ирьякского могильников, чья принадлежность местному прикамскому населению также является предметом отдельной дискуссии) на территории Прикамья пока не известно.

Нами были проанализированы фрагменты 9 сосудов из раскопок 1960 г., отобранных случайным образом. Коллекция керамики могильника Горо́док хранится в Пермском краеведческом музее (ПКМ), № коллекции 10987/4. Сосуды орнаментировались: оттисками гребенчатого штампа – 1 сосуд (10%); ямочной орнаментацией – 4 сосуда (40%); шнуровым орнаментом – 5 сосудов (50%).

Орнаментальные композиции в основном наносились по торцу венчика и тулову сосуда, лишь в двух случаях орнамент был встречен только на торце.

Исследование исходного сырья показало, что сосуды в основном изготавливались гончарами из незапасоченных глин, замешанных в формовочную массу в естественно увлажненном состоянии – 88,9% (8 сосудов). Лишь один сосуд был изготовлен из заталькованной глины – 11,1%. Данный вид сырья не распространен на рассматриваемой нами территории и относится исследователями к керамическим комплексам Зауралья [9, с. 441].

При анализе формовочных масс было выделено четыре рецепта:

1. «глина + дробленая раковина» – 66,4% (6 сосудов);
2. «глина + органический раствор» – 11,1% (1 сосуд);
3. «глина + органический раствор + дробленая раковина» – 11,1% (1 сосуд);
4. «глина + песок» – 11,1% (1 сосуд).

Гляденовское костыще

Памятник известен с XIX в. и неоднократно раскапывался. Работы на костыще были осуществлены под руководством таких исследователей, как Н.Н. Новокрещенных, А.Д. Вечтомов, А.Ф. Мельничук. Памятник расположен в 1,8 км к северу от д. Севастьяны, на вытянутом мысовидном выступе очень высокой древней левобережной террасы р. Кама [7].

Гляденовское костыще – один из маркерных памятников железного века Пермского Предуралья, давший название целой археологической культуре, связываемой с местным Прикамским населением.

Нами были проанализированы фрагменты 9 сосудов из раскопок 2001 года, проведенных под руководством А.Н. Лепихина. Коллекция керамики Гляденовского костыща хранится в ПКМ, № коллекции 20520. Исследованная посуда Гляденовского костыща украшалась: оттисками гребенчатого штампа 50,0% (4 сосуда); ямочной орнаментацией 12,5% (1 сосуд); шнуровой – 12,5% (1 сосуд); насечками – 12,5% (1 сосуд) или ямками нанесенными углом штампа – 12,5% (1 сосуд). Без орнамента был зафиксирован лишь один сосуд.

На исследованных сосудах орнамент был нанесен как по стенкам, так и по торцам венчиков.

При анализе ИПС было зафиксировано 100% использование гончарами Гляденовского костыща незапесоченной глины в естественно увлажненном состоянии.

В гончарной традиции исследуемого памятника присутствуют два рецепта формовочных масс:

1. «глина + дробленая раковина» – 88,9% (8 сосудов);
2. «глина + органический раствор + дробленая раковина» 11,1% (1 сосуд).

Селище Пеньки

Селище было открыто В.П. Денисовым в 1973 г. и находится на левом берегу р. Чусовая, в 1,5 км к востоку от д. Пеньки. Раскопки на памятнике проводили А.В. Оборин, А.Ф. Мельничук [10].

Были исследованы фрагменты от 10 разных сосудов. Коллекция керамики селища Пеньки хранится в ПКМ, № коллекции 19163. Все проанализированные нами сосуды орнаментированы. В половине случаев орнаментация наносилась с помощью оттискивания гребенчатого штампа – 50% (5 сосудов). В трех случаях встречен шнуровой орнамент (30%), и в двух ямочный (20%).

Орнаментальные композиции в основном наносились по торцу венчика и тулову сосуда, лишь в двух случаях орнамент был встречен только на торце.

Анализ исходного сырья показал 100% использование гончарами незапесоченной глины в естественно увлажненном состоянии.

По составу ФМ керамика селища Пеньки также делится на две рецептурные группы:

1. «глина + дробленая раковина» – 90,0% (9 сосудов);
2. «глина + органический раствор + дробленая раковина» – 10,0% (1 сосуд).

Городище Опутята

«Городище расположено в 1,5 км к западу от д. Опутята и в 1 км к северу от д. Зарубино, на одном из мысов. Площадка памятника слегка наклонена к востоку и ограничена с севера и юга глубокими логами. В восточной части она разрезается на два неровных мыса неглубоким логом, доходящим до половины площадки. С западной напольной стороны городище укреплено пятью рядами рвов и валов», – такое описание памятника приводит В.Ф. Генинг [11, с. 96].

Нами были проанализированы фрагменты 13 сосудов из раскопок 1951 г., взятых случайным образом. Коллекция керамики городища Опутята хранится в ПКМ, № коллекции 10300. Орнаментация проанализированной нами керамики представлена на 9 сосудах. Более чем в 60% случаев это были защипы (6 сосудов – 66,7%). Два раза был представлен орнамент в виде оттисков гребенчатого штампа (22,2%) и единично встречены насечки (11,1%).

При этом орнаментальные композиции чаще всего наносились по торцу венчика (55,6% – 5 сосудов), в остальных случаях декор был нанесен и по венчику, и по тулову сосуда.

При анализе ИПС нами были выделены три типа сырья, использованного для изготовления посуды: незапесоченная глина в естественно увлажненном состоянии – 84,6% (11 сосудов); незапесоченная глина, замешанная в формовочную массу в дробленном состоянии – 7,7% (1 сосуд); илистая глина в естественно увлажненном состоянии – 7,7% (1 сосуд).

В коллекции городища Опутята выделено четыре рецепта ФМ, которые могут быть разделены на два типа: с несмешанным двухкомпонентным составом (два рецепта) и со смешанным многокомпонентным составом (два рецепта).

К первому типу относятся следующие рецепты:

1. «глина + дробленая раковина» – 15,4% (2 сосуда);
2. «глина + органический раствор» – 15,4% (2 сосуда).

Ко второму типу:

1. «глина/илистая глина + дробленая раковина + органический раствор» – 46,1% (6 сосудов);
2. «глина + шамот + органический раствор» – 23,1% (3 сосуда).

Результаты технико-технологического анализа керамики Митинского могильника, селища Большаки уже публиковались ранее [5]. Однако в настоящей публикации имеет смысл повторить основные итоги.

Селище Большаки

Селище расположено на правом берегу Камского водохранилища в 4 км к северу от д. Новая Каменка Ильинского района Пермского края.

Нами были исследованы фрагменты от 10 разных сосудов из раскопок 2009 г., происходящих из ямы № 1. Орнамент представлен на всех рассмотренных

образцах, причем в одном случае на образце было зафиксировано сразу два орнаментальных приема.

Анализ показал, что наиболее часто в качестве ИПС использовалась незапесоченная глина, взятая в естественно увлажненном состоянии – 80,0% (8 сосудов), в 20,0% случаев (2 сосуда) мастером была использована запесоченная глина.

На памятнике выделено три рецепта ФМ:

1. «глина + дробленая раковина» – 70,0% (7 сосудов);
2. «глина + органический раствор + долбленая раковина» – 20,0% (2 сосуда);
3. «глина + органический раствор» – 10,0% (1 сосуд).

Митинский могильник

Митинская курганный группа расположена к востоку от восточной окраины д. Митино Кочевского района Пермского края на левом берегу р. Кычдз.

Нами были проанализированы 14 сосудов, относящихся к курганной части могильника (погребения и ямы (курганные канавки)), а также 2 сосуда из погребений грунтовой части памятника.

Для керамической коллекции курганной части памятника характерны следующие черты: сосуды изготавливались из глин в увлажненном состоянии, наиболее часто использовались такие рецепты формовочных масс, как «глина + дробленая раковина» – 42,9% (6 сосудов) и «глина + дробленая раковина + органический раствор» – 28,6% (4 сосуда), «глина + органический раствор» – 21,4% (3 сосуда). Один сосуд был изготовлен из формовочной массы, приготовленной по рецепту «глина + навоз» – 7,1%. Посуда изучаемого памятника орнаментировалась по верхней части сосудов – по венчику. Орнамент был прослежен на трех сосудах. Основными элементами узоров являются отпечатки гребенчатого штампа – 33,3% (1 сосуд), оттиски шнура – 33,3% (1 сосуд) и ямочные вдавления (1 сосуд).

Сосуды из грунтовой части выполнены из незапесоченной глины, взятой во влажном состоянии (100,0%). В рецепте формовочной массы присутствует дробленая раковина (100,0%).

Статистический анализ: выделение керамических традиций

С целью выявления существовавших на памятниках керамических традиций был осуществлен статистический анализ. Для проведения расчетов результаты технико-технологического анализа были формализованы и представлены в виде реляционной базы данных, строки которой – это рассмотренные в ходе исследования сосуда (всего 67 сосудов), а столбцы – признаки, описывающие исходное пластичное сырье, рецепты формовочных масс и орнаментацию. Анализ дендрограммы иерархического кластерного анализа, проведенного с целью первичной группировки и определения общего числа традиций, позволил говорить о наличии в выборке не менее пяти кластеров. С целью детального описания каждого из кластеров и выявления формирующих их признаков был осуществлен кластерный анализ методом к-средних (см. табл. 1). В результате проведенных процедур появилась возможность численно описать выделенные керамические традиции (кластеры).

Таблица 1 – Результаты кластерного анализа методом к-средних: финальные центры кластеров

Признак	Кластеры				
	I	II	III	IV	V
Илистая глина			0,08		
Заталькованная глина				1,00	
Глина	1,00	1,00	0,92		1,00
Влажное состояние	1,00	1,00	1,00	1,00	
Дробленое состояние					1,00
Незапесочена	1,00		1,00	1,00	1,00
Запесочена		1,00			
ИПС + Навоз		0,20			
ИПС + Песок	0,02				
ИПС + Дробленая раковина	0,83	0,20			
ИПС + Дробленая раковина + Орг. раствор		0,40	1,00		
ИПС + Шамот + Орг. раствор	0,04				1,00
ИПС + Орг. раствор	0,11	0,20		1,00	
Нет орнаментации	0,34	0,60	0,15		
Оттиски гребенчатого штампа	0,28	0,40	0,08		
Ямки угловым штампом	0,04				
Ямочная орнаментация	0,15		0,15		
Шнур зигзаг	0,04		0,15		
Шнур горизонтальные линии	0,15		0,08	1,00	
Фигурный штамп	0,02				
Насечки	0,06				1,00
Защипы			0,46		

Стоит отметить, что статистически сформированные группы (кластеры) вполне могут содержать более одной традиции, т.е. иметь внутреннюю дробную структуру. Особенно это касается тех случаев, когда значение признака при определении финальных центров кластеров менее 1,00 (т.е. фиксируется факт смещения признака от центра кластера; чем меньше значение, тем дальше данный признак от центра кластера, тем он менее типичен для выделяемой группы).

Кластер I представлен сосуда, выполненными из незапесоченной (1,00) глины (1,00), взятой во влажном (1,00) состоянии – именно эти признаки являются центральными (обязательными) для выделения группы. Из наиболее типичных рецептов формовочных масс для данной группы следует назвать традицию добавления дробленой раковины (0,83). Помимо этого в группе представлены рецепты с добавлением к исходному сырью органического раствора (0,11); шамота и органического раствора (0,04); песка (0,02).

Орнаментация кластера разнообразна и включает в себя оттиски гребенчатого штампа (0,28), ямочные вдавления (0,15), оттиски шнура в виде линий (0,15), насечки (0,06), ямки углом штампа (0,04), шнур зигзагом (0,04), фигурный штамп (0,02). Значимой корреляции орнамента с рецептом формовочной массы не наблюдается.

Сосуды данного типа представлены на всех анализируемых памятниках, но наиболее характерны они для грунтовой части Митинского могильника (100,0% – все сосуды, обнаруженные на памятнике,

относятся к данному кластеру), селища Пеньки (90,0% от всех сосудов памятника), Гляденовского костыща (88,9% от всех сосудов памятника) (см. табл. 2).

Для данного кластера характерна внутренняя дробность. Всего по результатам кластеризации к кластеру I отнесено 47 сосудов. Из них полностью соответствуют «канону» (для производства использована запесоченная глина в естественно увлажненном состоянии с добавлением дробленой раковины в формовочную массу) 39 сосудов (83,0% от кластера). Присутствие в формовочной массе дробленой раковины увеличивает «спекаемость» черепка сосуда во время обжига [12, с. 69]. Из оставшихся «неканонических» сосудов 5 изготовлено по рецепту «ИПС + органический раствор» (курганная часть Митино, Большаки, Опутята), 2 сосуда – «ИПС + шамот + органический раствор» (Опутята). Все эти сосуды максимально удалены от центра кластера I и должны,

скорее всего, рассматриваться как вариант кластера II. Присутствие их в кластере I обусловлено исключительно фактом использования при изготовлении незапесоченных глин, взятых во влажном состоянии. Еще одним «неканоническим» сосудом в кластере является экземпляр с могильника Городок, при его изготовлении в незапесоченную глину мастер намеренно добавил песок.

Вероятно, данный кластер в «каноническом» своем виде описывает керамическую традицию, характерную для местного населения, не испытавшего на себе серьезного влияния культурных инноваций проникших в Прикамье в результате Великого переселения народов. В отношении грунтовой части Митинского могильника (датируемой периодом не ранее VIII в. н.э.) можно говорить уже о факте полного поглощения инокультурных традиций вмещающей культурой.

Таблица 2 – Результаты кластерного анализа методом k-средних: принадлежность сосудов кластерам

Памятник	Кол-во проанализированных сосудов	I		II		III		IV		V	
		кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Городок	9	7	77,8	0	0,0	1	11,1	1	11,1	0	0,0
Гляденово	9	8	88,9	0	0,0	1	11,1	0	0,0	0	0,0
Пеньки	10	9	90,0	0	0,0	1	10,0	0	0,0	0	0,0
Опутята	13	6	46,2	0	0,0	6	46,2	0	0,0	1	7,7
Большаки	10	7	70,0	2	28,6	1	10,0	0	0,0	0	0,0
Митино (кург.)	14	8	57,1	3	37,5	3	21,4	0	0,0	0	0,0
Митино (гр.)	2	2	100,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
Всего сосудов	67	47		5		13		1		1	

Кластер II характеризуется сосудами, изготовленными из запесоченной (1,00) глины (1,00) в естественно увлажненном (1,00) состоянии. В рецептах формовочных масс одновременно присутствуют органический раствор и дробленая раковина (0,40) либо только один из компонентов: органический раствор (0,20) или дробленая раковина (0,20). К этому же кластеру отнесены сосуды с примесью навоза (0,20) в формовочной массе. Подавляющая масса сосудов в данной группе неорнаментирована (0,60), а те, что имеют орнамент, украшены оттисками гребенчатого штампа (0,40). В рамках данной традиции изготовлено 5 сосудов. Сосуды, относящиеся ко второму кластеру, присутствуют в коллекциях курганной части Митинского могильника (37,5% от всех сосудов памятника) и селища Большаки (28,6% от всех сосудов памятника). Уникальность данной традиции заключается в использовании особого исходного пластичного сырья – запесоченной глины, абсолютно не характерной для других выделенных кластеров. Как отмечает Ю.Б. Цетлин, выбор исходного сырья не мог зависеть от «случайных обстоятельств или от субъективного желания или нежелания мастера». Он всегда был «результатом накопленных в течение нескольких поколений в данном коллективе эмпирических (т.е. опытных) знаний и навыков и поэтому был закреплен бытовавшими в коллективе нормами и обычаями деятельности, иначе говоря, был традиционен» [12, с. 56].

Стремясь придать запесоченному сырью большую пластичность, мастер добавляет в него органические компоненты: навоз, органический раствор. Лишь один сосуд, найденный на селище Большаки,

несколько выбивается из описанной производственной схемы: мастер изготовил его из запесоченной глины без использования органического раствора. Стоит обратить внимание на то, что традиция применения органических добавок (навоз, органический раствор) известна у сармат Южного Приуралья [9, с. 438]. Другой вариацией кластера II необходимо признать 7 сосудов из кластера I, в формовочной массе которых также обнаружены следы органического раствора.

Кластер III составляют сосуды, изготовленные из незапесоченной (1,00) глины (0,92) или илистой глины (0,08) в естественно увлажненном (1,00) состоянии. В рецепте формовочной массы обязательно присутствует дробленая раковина и органический раствор (1,00), т.е. речь идет о смешанном двухкомпонентном составе. Сосуды данного типа украшены защипами (0,46), зигзагами шнура (0,15), ямками (0,15), горизонтальными оттисками шнура (0,08), оттисками гребенчатого штампа (0,08). Рассматриваемый кластер наименее вариативен, единственным отклонением от канона в нем является сосуд, обнаруженный на городище Опутята, изготовленный из илистой глины. Посуда данного кластера встречена на всех анализируемых памятниках, за исключением грунтовой части Митинского могильника. Наибольший процент сосудов данного типа выявлен на Опутятском городище (46,2% от всех сосудов памятника) и курганной части Митинского могильника (21,4% от всех сосудов памятника). Как отмечает Ю.Б. Цетлин, смешанные многокомпонентные рецепты «в абсолютном большинстве случаев возникали в результате сращивания простых рецептов, что

происходило в ходе культурного смешения носителей разных традиций составления формовочных масс» [12, с. 71]. В свете указанного замечания весьма вероятной видится интерпретация кластера как отражения процесса смешения традиций применения в производстве керамики толченой раковины (кластер I) и органических добавок (кластер II). Примечателен тот факт, что максимальное число сосудов данного типа происходит с Опутятского городища – памятника, расположенного на территории, где в эпоху Великого переселения народов отмечаются наиболее интенсивные контакты местных и пришлых племен [13]. Описывая механизм возникновения смешанных гончарных традиций, Ю.Б. Цетлин называет две причины их появления: биологическое смешение населения и подражание инокультурным (более престижным) образцам [12, с. 45].

Кластер IV представлен единственным сосудом, изготовленным из заталькованной глины. В формовочной массе присутствует органический раствор. Сосуд украшен горизонтальными оттисками шнура. Описанный экземпляр обнаружен в коллекции могильника Городок и вполне может быть связан с территорией Зауралья, где имеются залежи талька и была широко распространена традиция его использования среди населения, начиная с неолита [9, с. 441].

Кластер V также включает в себя один сосуд, выполненный из незапесоченной глины, использованной в дробленном состоянии. Сухая обработка исходного сырья уже сама по себе является достаточным основанием для выделения качественно отличной традиции изготовления керамики [12, с. 65]. В формовочной массе сосудов отмечена примесь шамота и органики. Сосуд украшен насечками. Обозначенный экземпляр происходит из коллекции городища Опутята и, безусловно, связан с инородным культурным проникновением, истоки которого еще предстоит установить.

Выводы

Таким образом, по результатам технико-технологического анализа керамики однозначно фиксируется интеграция инокультурного населения в культурное пространство Пермского Предуралья в период Великого переселения народов. К доминирующим местным (гляденовским) традициям, очевидно, относится использование в формовочной массе примеси толченой раковины. По результатам анализа эта традиция является наиболее широко представленной – 58,2% от всей совокупной выборки. Инокультурный рецессивный компонент связан с традицией использования в формовочной массе органических добавок (навоза, органического раствора). Обозначенная традиция статистически зафиксирована в рамках кластера II, некоторые ее вариации отмечены в рамках кластера I – всего 16,4% сосудов совокупной выборки. Истоки данной традиции есть основания искать в культуре, связанной с сарматским миром Южного Урала. В рамках кластера III четко прослеживается процесс смешения традиции использования толченой раковины с традицией применения органического раствора – 19,4% сосудов совокупной выборки. Также удалось выделить отдельные уникальные единичные случаи применения заталькованной глины, глины, использованной в дробленном состоянии, добавления песка в формовочную массу – 6,0% сосудов

совокупной выборки. Полученные результаты позволяют говорить о пестрой культурной палитре Пермского Предуралья в эпоху Великого переселения народов и никак не согласуются с мнением о том, что вся керамика раннего средневековья в Прикамье однотипна и оставлена одним народом.

Список литературы:

1. Поляков Ю.А. Керамика гляденовской культуры // *Finno-Ugrica*. 1999. № 1. С. 4–10.
 2. Лепихин А.Н. Костища гляденовской культуры в Среднем и Верхнем Прикамье. Пермь: ИД Типография купца Тарасова, 2007. 224 с.
 3. Перескоков М.Л. Керамические комплексы памятников финала раннего железного века в Пермском Прикамье // *Вестник Пермского университета. История*. 2015. Выпуск 1 (28). С. 99–113.
 4. Мингалев В.В. Керамика Чазевского I могильника // *Труды камской археолого-этнографической экспедиции*. 2009. Вып. VI. Пермские финны и угры Урала в эпоху железа. С. 125–133.
 5. Батуева Н.С., Бубнова Р.В., Сарапулов А.Н., Шмуратко Д.В. Керамика курганной группы у деревни Митино: попытка реконструкции культурно-исторических процессов в эпоху Великого переселения народов // *Средневековые археологические памятники Поволжья и Урала: проблемы исследований, сохранения и музеефикации (VII Халиковские чтения)*. Казань, 2017. С. 24–29.
 6. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 275 с.
 7. Памятники истории и культуры Пермской области. Т. I, Ч. I. Материалы к археологической карте Пермской области. Пермь: Арабеск, 1996. 299 с.
 8. Голдина Р.Д. В.Ф. Генинг и проблемы изучения гляденовско-пьяноборского времени в Приуралье // *Поволжская археология*. 2014. № 1 (7). С. 26–45.
 9. Краева Л.А. Гончарство сарматских племен Южного Приуралья в IV–I вв. до н.э. // *Известия Самарского научного центра РАН*. 2009. Т. 11, № 6 (2). С. 438–442.
 10. Мельничук А.Ф., Соболева Н.В. Селище Пеньки – памятник харинского времени на р. Чусовой // *Приуралье в древности и средние века*. Устинов, 1986. С. 99–109.
 11. Генинг В.Ф. Опутятское городище – металлургический центр харинского времени в Верхнем Прикамье (2-я половина V – 1-я половина VI вв. н.э.) // *Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье*. Ижевск, 1980. С. 92–135.
 12. Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. 430 с.
 13. Вострокнутов А.В., Шмуратко Д.В. Туйско-Полуденская территориальная группа археологических памятников V–VII вв. н.э. в Пермском Предуралье: опыт изучения с использованием ГИС-технологий // *Труды камской археолого-этнографической экспедиции*. 2017. Вып. XIII. С. 101–109.
- Статья публикуется при поддержке гранта РГНФ 16–11–59004 «Система расселения "харинских" племен во 2-й половине I тыс. н.э. на территории Прикамья».**

CERAMIC TRADITIONS OF MONUMENTS OF THE HARIN TIME IN THE PERM URAL REGION: UNIFORMITY OR DIVERSITY?

© 2018

Batueva Nadezhda Sergeevna, specialist of Scientific Department
Shmuratko Dmitry Vladimirovich, candidate of historical sciences, dean of History Department
Perm State Humanitarian Pedagogical University (Perm, Russian Federation)

Abstract. The results of the technical and technological analysis of ceramics found on the monuments of the Perm Cis-Ural of the era of the Great Migration are presented in the paper. The analysis was carried out in the framework of the historical and cultural approach by A.A. Bobrinsky. Five clusters were formed according to the results of multidimensional classification (cluster analysis by the method of k-means) of 67 vessels. Each cluster can be interpreted as an independent pottery tradition. The first tradition is represented by vessels made of without sand clay, taken in a wet state with the addition of a crushed clamshell to the molding mass. This tradition is most widely represented (58,2% of the vessels of the aggregate sample) and can be associated with the local Glydeen tribes of the early Iron Age. Vessels with organic impurities (manure, organic solution) in the molding mass constitute the second tradition – 16,4% of the vessels of the aggregate sample. The tradition has origins in the Sarmatian world of the Southern Urals and can belong to the tribes who migrated to the region. The third tradition can be traced on vessels made of without sand clay, taken in a wet state with the addition of crushed clamshell and organic solution to the molding mass – 19,4% of the total sample vessels. Tradition illustrates the process of mixing local and foreign populations. The fourth tradition includes a single vessel made of clay with a natural admixture of talc. We can find the origins of the tradition on the eastern slope of the Urals. The fifth tradition is represented by a single vessel made of clay in crushed condition. The fourth and fifth traditions are few; together they make up about 3% of the vessels of the cumulative sample. The obtained results allow us to speak about the motley cultural palette of Perm Cis-Ural in the era of the Great Migration. The results of the analysis do not agree with the opinion that all ceramics of the early Middle Ages in the Kama Region belong to the one same type and are left by one ethnic group.

Keywords: technical and technological analysis of ceramics; Great migration of peoples; monuments of Harino type; Glyadenovo archaeological culture; Perm Cis-Urals; ethno-cultural processes; migration; cluster analysis; k-means method; tribal settlement system.

УДК 94(47).066

Статья поступила в редакцию 04.01.2018

СЛУЖЕБНАЯ ИЕРАРХИЯ И ТИПОЛОГИЯ ГОРОДОВ И ГОРОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ, УСТАНОВИВШАЯСЯ НА РУБЕЖЕ XVIII–XIX ВЕКОВ

© 2018

Белов Алексей Викторович, кандидат исторических наук, доцент,
старший научный сотрудник центра изучения истории территории и населения России
Институт российской истории РАН (г. Москва, Российская Федерация)

Аннотация. В статье рассматривается один из аспектов кардинального реформирования города, происходившего в правление Екатерины II. Реформа города, проходя в рамках административно-территориальной реформы Екатерины II, была теснейшим образом связана с процессом созданием сети новых «малых» губерний и формированием сети городов и городских поселений в каждом из новых административных образований. Городская сеть (сеть городов и городских поселений) представляла собой комплекс (а не набор) поселений конкретного региона, имеющих (в представлении современников) статус города или его официальные признаки. В процессе бытования внутри нее происходило распределение функций. Набор функций, присущих разным городским поселениям, определяет их характер, облик и лицо в самом широком смысле этого слова. Все функции условно можно поделить на две группы: административные и экономические. В нашем исследовании внимание было обращено на утверждение за городом как части пространственно-поселенческой сети страны набора административных функций. Развитие городской сети в ходе реформ Екатерины II привело к установлению определенных типов городов и городских поселений, с набором черт и обязанностей. При этом между типами поселений установилась твердая иерархия как административных центров. Причина ее появления шире, чем необходимость формального подчинения. Сеть городов и городских поселений страны, установившаяся к первым годам XIX в., по характеру и истории своего происхождения была сложной и весьма неоднотипной конструкцией. В ее состав входили как поселения, официально именовавшиеся словом «город» по правилам своего времени, так и не относящиеся к этой группе. Последние также выполняли городские функции и ставились современниками в один ряд с «официальными» городами, отделяясь от поселений сельских. Наименование поселений городами не всегда соответствовало их хозяйственному качеству. Наряду с основными (административными) типами городов существовали промежуточные формы городских поселений, которые по нормам того времени к городам не относились (безуездные города, заштатные города, посады, местечки). Кроме того, сохранялись архаичные формы поселений, связанные с городами и отчасти исполнявшие их функции. Важным своеобразием данного исторического периода является одновременное существование многочисленных и разнообразных форм городских поселений, в том числе и архаических. Данное обстоятельство вызвано переходным характером времени, проведением адми-